

Выражение лица шерифа мгновенно застыло:

– Как вы здесь оказались?

Он огляделся вокруг, с явным подозрением осматривая своих подчинённых.

Он ещё не понял, что Орвицка имел в виду под "неотслеживаемым" оборотнем, и сосредоточился на том, что Орвицка нашёл убийцу раньше него. Поскольку важная информация не была передана, он заподозрил, что кто-то из его подчинённых сообщил Орвицке.

Это было понятно. Возможно, кто-то хотел, чтобы Орвицка забрал его с собой в Содман, чтобы стать королевским полицейским.

Орвицка вздохнул, не желая много говорить, и просто сел в карету.

Шериф последовал за ним:

– Мы нашли убийцу. Эти три дня были очень благодарны за ваше сотрудничество. Когда вернётесь в Содман, пожалуйста, передайте нашу благодарность Главному управлению.

Орвицка сел, откинулся назад, закрыл глаза, всем своим видом показывая, что не хочет разговаривать.

Шериф тихо усмехнулся, сел напротив Орвицки и даже радостно промычал пару нот, но, увидев выражение лица Орвицки, всё же не стал продолжать. Ну и что, что он приехал раньше? Как бы он ни приехал, это Хаарлем, его территория, и поимка преступника в итоге станет его заслугой.

Тук-тук!

Кто-то постучал в дверь кареты. Это был старший сын шерифа.

– В чём дело?

– Нет... – сын шерифа тихо говорил у двери, его лицо было красным и горячим, он даже не смел смотреть на Орвицку, но в итоге всё же сел в карету, стараясь держаться как можно ближе к отцу. – Никто не подходит под описание преступника.

Шериф тут же посмотрел на Орвицку. Тот снова вздохнул, но всё же открыл глаза и объяснил:

– Тот артист, который очень похож на подозреваемого, временно ушёл. Его товарищи не сказали мне, куда он пошёл. Я ждал его возвращения, а потом приехали вы.

Довольная улыбка на лице шерифа наконец исчезла, и его лицо тоже начало краснеть. Он был так сосредоточен на Орвицке, что совершенно не обратил внимания на уличных артистов. Он думал, что победа уже у него в кармане, а оказалось... человека и вовсе не было на месте.

– Спросите его товарищей, куда он ушёл! Нет... пусть они продолжают выступать! Все полицейские, рассредоточиться и спрятаться!

– Вам лучше бы и людей в кафе напротив оставить на своих местах. Они все – поклонники подозреваемого. Если их не будет, это вызовет подозрения, – сказал Орвицка.

Мышцы на щеках шерифа пару раз дёрнулись:

- Спасибо.

Он вышел из кареты, Орвицка не стал. Через некоторое время карета тронулась и въехала в какой-то угол.

Орвицка посмотрел на свои карманные часы. Было три тридцать дня, и он решил вздремнуть. Род Крови мог долго обходиться без сна, но сон для них был самым приятным отдыхом.

Орвицка заснул, сидя, пока его не разбудил крик. Он посмотрел на часы - четыре сорок пять. Убийцу поймали?

Дверь кареты открылась, и в неё ворвался шериф:

- Прошу прощения, в участке произошло массовое пищевое отравление. Здесь пока останется мой сын, а мы должны вернуться в участок.

Орвицка пожал плечами, ему было всё равно. Когда карета выезжала из укрытия, Орвицка услышал звук флейты карлика. До приезда полиции он уже некоторое время слушал их выступление. Хотя карлик играл на флейте не постоянно, а с перерывами, тогда мелодии были весёлыми и лёгкими, а сейчас звук флейты был резким и тревожным.

- Вы...

В этот момент шериф достал из-за пазухи чек на пятьсот золотых гербов и обеими руками протянул его Орвицке:

- Чек банка "Норфолк". Большое спасибо за вашу помощь в эти дни.

Орвицка не стал отказываться, спокойно взял чек и положил его за пазуху.

Это заставило шерифа вздохнуть с облегчением:

- Я знаю, моё поведение было несколько низким. Я тоже хотел с вами приятно сотрудничать, но... семья Хофтортов оказала на меня огромное давление, мне очень жаль.

- Понимаю. Я куплю билет на ближайший поезд и уеду.

Орвицка действительно понимал. Почтение и уважение при встрече были лишь потому, что шерифу нужен был Орвицка, он хотел у него учиться и хотел, чтобы тот выполнял его поручения. По мере продвижения расследования, когда все улики были найдены, его потребность в Орвицке уменьшилась, и тогда появилась та статья в газете. Всё, что произошло в доме Хофтортов, лишь усугубило ситуацию.

- Большое спасибо.

После этого они больше не разговаривали.

Орвицка, казалось, был спокоен и всё принял, но на самом деле он был очень зол, хотя и не мог избить шерифа. Даже если он был уверен, что шериф через некоторое время снова придёт к нему, это не радовало его, потому что проблема была в том... что он и сам не знал, как теперь найти этого убийцу, который то мужчина, то женщина.

Тот превратился в беглого преступника. Весь Хаарлем стал его охотничьими угодьями, и он даже мог покинуть Хаарлем и начать свои преступления в другом месте.

Орвицка всю дорогу думал о деле. Пищевое отравление, о котором говорил шериф, не сильно отвлекло его, потому что, по мнению Орвицки, это не было чем-то серьёзным. В участке Рыбьего Хвоста каждую неделю два-три полицейских брали больничный из-за диареи. Безопасность пищевых продуктов в эту эпоху не была проблемой, потому что её просто не существовало.

Возможно, на этот раз пострадало немного больше полицейских, семь-восемь? Пока полицейские из участка доберутся до них, чтобы сообщить, а потом они вернутся в участок, пройдёт не меньше пятидесяти минут. Полицейских давно уже должны были отвезти в больницу.

Приближаясь к полицейскому участку, Орвицка слышал шум и крики. Он и шериф выглянули из кареты с разных сторон, и то, что предстало перед ними, заставило Орвицку мгновенно расширить глаза.

Это была сцена из фильма-катастрофы девятнадцатого века. На дороге перед участком лежали люди. Некоторые были неподвижны, и по их окоченевшим телам Орвицка сразу понял, что они мертвы. Некоторые, схватившись за грудь или шею, лежали на земле, судорожно дёргая ногами, как в предсмертной агонии. Большинство рвало – это была рвота и диарея одновременно.

Остальные, невредимые полицейские, выносили своих коллег. Им помогали какие-то отзывчивые горожане.

Орвицка огляделся. Шериф увёл с собой треть полицейских. Из оставшихся в главном управлении полиции Хаарлема... кажется, здесь были почти все?

Бах!

Полицейская карета только что остановилась, как из участка раздался выстрел. Едва покинув карету, Орвицка тут же укрылся за её дверцей.

Бах-бах!

Раздались ещё выстрелы, и двое полицейских, несших носилки у входа, были убиты. Сразу после этого изнутри выбежало несколько мужчин. Они радостно кричали и, выйдя, тут же застрелили одного из блюющих полицейских. Сразу после этого его самого застрелили...

Только тогда бандит, стоявший за ним, увидел, что у входа в участок стоит много полицейских карет, и вышедшие из них полицейские невредимы.

Ситуация стала ещё хуже. Участок был полностью захвачен, это были сбежавшие заключённые.

– Рассредоточиться! Входить в участок сбоку! – крикнул шериф. – Вы, обойдите сзади!

Полицейские по приказу шерифа начали действовать. Раздался звук бьющегося стекла. Это не полицейские ворвались в участок, это было разбито окно на втором этаже участка. Сначала из него показался ствол винтовки, а затем оттуда вылетело несколько предметов, очень похожих на динамитные шашки!

Раздался оглушительный взрыв. Лошади испугались, а из полицейских на улице перед участком, по меньшей мере, четыре-пять человек превратились в кровавые ошметки.

- Яху-у-у!!

- Ха-ха-ха-ха!!!

Из участка доносился разнузданный смех бандитов.

Один из полицейских, которым шериф приказал обойти сзади, прибежал обратно, весь в крови:

- Шериф, сзади слишком сильный огонь, мы не можем прорваться!

- ...Сообщите мэру, просите помощи у гарнизона.

- Бах! Бах-бах!

- Ха-ха-ха-ха!

Чёрт! Эти заключённые, захватившие участок, были просто сумасшедшими. Они начали стрелять по неподвижным полицейским на земле, как по мишеням!

Орвица отвязал лошадь от полицейской кареты, встал сбоку, открыл дверь и толкнул карету вперёд.

- Что ты делаешь?! - шериф выпучил глаза.

- спасаю людей.

Хотя полицейские кареты Хаарлема не могли сравниться с каретами королевской полиции, они были прочнее и больше обычных карет, и могли служить укрытием от пуль. Даже от динамита, если вовремя лечь на землю, можно было укрыться от большей части осколков.

Собственно, когда Орвица отвечал, он уже был на ближайшем расстоянии и мог оттаскивать неподвижных полицейских.

Подбежали полицейские. Кто-то помогал оттаскивать людей, кто-то вместе с Орвицкой толкал карету.

- Не подходите слишком близко, вас могут застрелить, - Орвица остановил подбегающих. Те просто взяли вторую и третью кареты и тоже вытолкали их, создав короткую цепь из карет.

Шериф, глядя на них, отошёл на несколько шагов назад, на абсолютно безопасное расстояние для стрельбы.

Пули попадали в кузов кареты. Иногда пули пробивали карету насквозь и попадали в карету с их стороны. Полицейские за Орвицкой сначала время от времени останавливались, вжимая головы в плечи, но Орвица впереди них ровно толкал карету, без малейших колебаний или остановок.

Он даже не был из их участка...

Спокойствие и храбрость иногда заразительны.

Внезапно Орвицка остановился, повернулся и повалил на землю двух полицейских за своей спиной!

Бум!

Сверху снова сбросили динамитную шашку. Бандит, очевидно, был не очень метким. Шашка ударилась о полицейскую карету, отскочила и взорвалась в воздухе. Карета была разнесена на треть, и отлетевшие щепки посыпались на Орвицку.

– Спасибо, офицер Мондэйл, – спасённые полицейские смотрели на него со смешанными чувствами.

Орвицка покачал головой, показывая им, чтобы они быстрее оттаскивали людей. Сам Орвицка выглянул из-за кареты. Как раз в этот момент один из бандитов, держа динамитную шашку, тоже высунулся.

Бах!

Выстрел в цель!

–

Бандит вздрогнул, и, что ещё лучше, зажжённая им динамитная шашка выпала...

Бум!

Орвицка выскочил из-за кареты и бросился к главному входу в участок. Бандиты из другой комнаты были напуганы происходящим в соседней. Когда Орвицка выбежал, только два-три человека успели среагировать и выстрелить в него, но Орвицка уже быстро исчез из их поля зрения, войдя в участок.

Однако они успешно отрезали путь другим полицейским, которые хотели последовать за Орвицкой.

В этот момент ещё больше полицейских подбежали к каретам. Часть из них начала доставать пистолеты и вести ответный огонь по бандитам, а другая часть быстро оттаскивала своих коллег в безопасное место.

"Вероятно, жуткая картина в соседней комнате напугала бандитов, и они больше не бросали динамитных шашек".

– Шериф, нам врываться?

Всё происходило спонтанно, полицейские действовали по инерции, следуя примеру Орвицки. Но теперь Орвицка был внутри, и оттуда доносились только выстрелы. Полицейские снаружи хотели ворваться, но в такой ситуации, когда обе стороны вели перестрелку, нужен был кто-то, кто бы взял командование на себя, распределил задачи – хотя бы элементарно, кто штурмует, кто прикрывает, кто занимается тыловым обеспечением, и кто решает, когда начинать атаку или штурм.

Некоторые посмотрели на шерифа. Шериф посмотрел на участок, подумал немного:

– Э-э... мы...

- А-а-а!

Со второго этажа, с той стороны, которую не затронул взрыв, внезапно раздались выстрелы. Один из бандитов даже вывалился из окна и упал на землю.

- Быстрее, врываются! Быстрее!

- Входите!

Реакция шерифа была довольно быстрой, но... всё закончилось ещё быстрее?

- Осторожно, бандиты! Некоторые не убиты, а только оглушены! - Орвицка, размахивая белой рубашкой, сорванной с кого-то, кричал полицейским.

Кто-то инстинктивно издал радостный возглас, и всё больше полицейских, а также зевак, начали кричать от радости.

Конечно, кто-то всё же не забыл посмотреть на шерифа, но тот уже вытащил пистолет и кричал полицейским, чтобы они шли в атаку. Его храбрость заставила тех, кто украдкой на него смотрел, почувствовать некоторый стыд.

Орвицка бросил порванную рубашку на землю и кончиком сапога ткнул в подбородок лежащего у его ног бандита. С опытом он научился всё точнее рассчитывать силу удара и знал, что этот парень притворяется.

Бандит открыл глаза и заискивающе улыбнулся Орвицке. Когда Орвицка выбил дверь, он тут же бросил пистолет и поднял руки. Когда двое других были убиты, он, сцепив руки за головой, опустился на колени. Когда Орвицка ударил его прикладом, он тут же упал. Без сомнения, это был человек, умеющий ориентироваться в ситуации.

Когда ворвался шериф, Орвицка сидел на стуле, а бандит, стоя на коленях, давал показания.

Шериф, казалось, снова стал тем же восторженным добряком, каким был в первый день знакомства:

- Огромное вам спасибо, офицер Мондэйл, вы спасли жизни большей части полицейских этого участка!

Он со слезами на глазах раскрыл объятия, и Орвицке ничего не оставалось, как встать и обнять его.

- Я тоже полицейский, это мой долг, - вежливо сказал Орвицка, и ему стоило бы на этом остановиться, но, подумав о тех полицейских, многие из которых были кормильцами в своих семьях, он не удержался и добавил: - Напоите отравившихся полицейских солёной водой, чтобы вызвать рвоту. Когда они всё вырвут, по крайней мере, они больше не будут поглощать яд.

- Огромное спасибо за ваш совет! - шериф очень серьёзно и торжественно кивнул, тут же подозвал подчинённого и отдал распоряжение. Он повернулся и указал на коленопреклонённого бандита. - А этот человек...

- Я его допрашиваю, присоединяйтесь.

- Конечно!

- Рассказывайте, что произошло.

Бандит не стал торговаться. Он прекрасно понимал, что пока он говорит, он будет жить. Если он промолчит, его тут же пристрелят. А ведь были и другие выжившие, знающие ситуацию.

- Я честный человек, господа офицеры, - начал бандит самым кротким тоном и с самым покорным выражением лица. - Меня поймали всего лишь за кражу кошелька, в котором было только... я... я сидел в камере, и вдруг вошла женщина!

По мере того, как выражение лица Орвицки становилось всё более нетерпеливым, бандит тут же перешёл к делу.

- Та женщина сказала, что принесла еду своему брату. Полицейский-охранник вошёл вместе с ней...

Он бросил взгляд на шерифа. Он не знал, кто такой Орвицка, но шерифа он, очевидно, знал.

- Говорите правду, меня интересует только то, что произошло, - с мрачным лицом сказал шериф. Эти слова, должно быть, были правдой.

- Э-э... ну, он просто потрогал её... и всё, - бандит всё ещё не решался сказать всю правду. - Конечно, вы же знаете, наши женщины, будь то жёны, сёстры, матери или даже бабушки, не очень-то обращают на это внимание, правда, не очень.

- Продолжайте, - лицо шерифа стало ещё мрачнее.

- И вот они пошли в самую дальнюю камеру-одиночку. Через некоторое время вышел полицейский. Он подошёл к двери и сказал: "Эй, эта стерва просто огонь, иди, тоже развлекись". Потом мы услышали, как открылась входная дверь, но вскоре она снова защёлкнулась.

Мы не знали, что происходит. Кто-то кричал в сторону одиночки, но ответа от женщины не было. Прошло некоторое время, может, минут сорок, а может, и час, и дверь снова открылась. Вошёл мужчина, бросил ключи на пол перед нашей камерой и сказал: "Крысы отравлены, крысиное гнездо пусто, забор из палок открыт". И ушёл.

Это был жаргон. Крысы - это полицейские, крысиное гнездо - полицейский участок, палки - это оружие, пистолеты, а забор - это замок. Без его слов большинство преступников, получив свободу, скорее всего, убежали бы. Но с этими словами всё было иначе. В те времена глупых и безумных преступников было немало.

- Кто-то повёл всех напролом, а что я мог сделать? Клянусь, я их отговаривал. Здесь было хорошо, ваши полицейские - хорошие люди, нас кормили досыта, а зимой было тепло.

Шериф:

- Продолжайте!

- Э-э, я заглянул в одиночку, и то, что я увидел, меня напугало. Тот полицейский лежал там, на шее у него была такая огромная рана, боже, как будто там вырос второй рот, и кровь уже вытекла наружу. Потом меня вытащили другие. Да, меня вытащили, я не хотел.

Я хотел убежать, ведь я всего лишь мелкий воришка, и мой срок уже подходил к концу. Но их

было слишком много, и меня потащили наверх. По дороге я видел нескольких полицейских, им было очень плохо. Я их не трогал. Я даже, пока никто не видел, затащил одного из них в кабинет сбоку, я перевязал его. Когда я уходил, он был ещё жив. Он тоже меня видел.

Орвицка:

- Вы заметили, как выглядела та женщина?

- Женщина?

Так старательно пытавшийся оправдаться бандит на мгновение даже забыл о ней.

- О, да! Да, женщина. В камере было очень темно, я разглядел лишь, что она была невысокого роста и очень худая. Я люблю больших... кхм! Она была закутана в шарф, который закрывал ей всё лицо, я совсем не видел её внешности. Но Майк, тот самый уважаемый и несчастный господин офицер, ему, похоже, та женщина очень понравилась. Он очень нетерпеливо обнял её за талию и вошёл в одиночку.

Шериф:

- Когда Майк вышел из одиночки один, его голос как-то изменился, когда он говорил у двери?

- Изменился? О! Вы просто гений! Его голос действительно немного изменился, может, стал чуть выше? Но тогда мы все кричали - ведь он вышел довольно быстро, так что эту разницу другие, скорее всего, и не заметили. На самом деле, и я не заметил, только ваше напоминание заставило меня что-то припомнить.

Шериф сжал губы, комплимент его явно не тронул.

Кто вышел, и так было понятно, его вопрос был просто риторическим.

- Несколько дней назад сюда привезли одного грабителя поезда. Ты знаешь, куда он делся?

Орвицка, пробиваясь наверх, не встретил этого знакомого. Он думал, что, передав его шерифу в прошлый раз, всё закончилось, но кто бы мог подумать, что будет продолжение?

- Это тот свирепый парень, что был три дня назад? Не знаю, он был одним из первых, кто выбежал. Наверное, сразу покинул участок.

- У меня больше нет вопросов, шериф Бассорони.

- ...Ещё раз спасибо, офицер Мондэйл, - шериф опустил голову, ему было совершенно неловко.

Преступник, который то мужчина, то женщина, и ещё владеет некоторыми навыками чревоугодничества - это очень конкретная улика. Хотя в предыдущих делах оборотня не было доказательств его владения чревоугодничеством, но, будь то мужчина, превращающийся в женщину, или женщина - в мужчину, умение подделывать голос, должно быть, было одним из его навыков, позволявших ему успешно обманывать людей.

А массовое отравление полицейских не было случайностью. Кто бы мог подумать, что у этого "оборотня" хватит смелости напасть прямо на их логово.

- Офицер Мондэйл... пожалуйста, продолжайте поиски оборотня.

Но даже несмотря на стыд, шериф всё же обратился с просьбой.

В его участке пострадало не меньше четверти полицейских, сбежало неизвестно сколько преступников – в последнее время ему и так хватало хлопот. И он понял, что полицейские, оставшиеся на Хартмейер-стрит, ничего не добьются.

– Я отказываюсь.

– Я готов заплатить ещё пятьсот золотых гербов.

– Дело не в деньгах. Все возможные улики уже найдены и использованы. Мы теперь примерно знаем, что он за человек, каких жертв он предпочитает, каков его способ действий. Это всё. Больше я ничего не найду, – Орвицка развёл руками. – Он стал самым трудноуловимым бродячим преступником. Единственное, что я могу сейчас сделать, это посоветовать вам обнародовать тип его жертв, чтобы потенциальные жертвы были более бдительны.

Кроме того, судя по его нападению на участок, он – очень мстительный преступник, так что полицейским тоже лучше быть начеку.

Шериф приподнялся на носках, его плечи слегка развернулись, но в итоге он снова опустился на пятки:

– Офицер Мондэйл, я искренне извиняюсь за свои предыдущие действия. Я признаю свою вину, всё это произошло из-за моей жадности и глупости. Газета, опубликовавшая сегодня ложную информацию, завтра же напечатает извинения.

<http://bllate.org/book/17916/1715952>